*не говори^{III} або не w^mказоуе^{III} (с. 18) (калька з польск. *odpowiadać*);
 блазове або фальшаре (с. 186) (параўн. польск. *blażen, falszar*);
 зависть держа^m або жа¹ им (с. 186);
 гневоу напо¹не⁴ або розгневалс# (с. 186) (параўн. польск. *napełnić się*);
 кри⁶ або горбатъ (с. 20) (параўн. польск. *krzyw*);
 рекль до все великости або то¹ны жидовское (с. 206) (параўн. польск. *welkość*);
 велми с# зоуме¹ або зл#кль (с. 216) (параўн. польск. *złaknąć się*);
 киноули жеребьи або костки (с. 216);
 им# понційюс пилатоу^c або понтскій пилат^m (с. 23);
 безмърные пнн#зи цесарю тиверее да¹ або оферова¹ (с. 236) (параўн. польск. *ofiarować*);
 платъ або роубъ несла есмь до малер# (с. 24);
 лицо^m его ^{na}знамена¹ або намолева¹ (с. 24) (параўн. польск. *naznamienac*);
 дано емоу на Пилата сказаніе або wсоуженіе (с. 246);
 питома□ роука не спріала або се над ни^m не смилвала (с. 246) (параўн. польск. *sprzując*);
 таемнице або сдости (с. 27);
 встанко⁶ або ицастко⁶ (с. 31);
 зборъ або рада (с. 32);
 на знам# або оу ди⁶ (с. 32) (параўн. польск. *znacie*);
 знамена або дивы (с. 356);
 wседла¹ або wпр#ноу¹ wсла (с. 37) (параўн. польск. *oprzęgnac*);
 оушо¹ або оубегль (с. 16).*

Прыведзеныя прыклады дэманструюць высокую лінгвістычную кампетэнцыю перакладчыка твора. Лексемы заходнееўрапейскага і заходнеславянскага паходжання выконваюць у тэксце вельмі моцную эмацыянальную функцыю, так характэрную для некананічнай рэлігійнай літаратуры. Унутрытэкетавыя глосы сведчаць аб спробах перакладчыка ўдасканаліць тэкст, зрабіць яго больш зразумелым для чытачоў з розных культурна- і канфесійна арыентаваных пластоў сярэднявечнага грамадства.

Літаратура

1. Гісторыя беларускай літаратуры XI-XIX стагоддзяў. У 2 т. Т. 1. Даўняя літаратура: XI – першая палова XVIII стагоддзя / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; навук. рэд. тома В.А. Чамярышкі. – 3-е выд., выпр. – Мінск: Беларус. навука, 2010.
2. Жураўскі, А.І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т. 1 / А.І. Жураўскі / Рэд. М.Р. Суднік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1967.
3. Карскій, Е.Ф. Западнорусскіі сборник XV-го вѣка, принадлежащій Императорской публичной библиотекѣ. Q. I. № 391. Палеографическія особенности, составъ и языкъ рукописи / Е.Ф. Карскій. – Санктпетербургъ: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1897.

И.В. Высоцкая

(Новосибирский национальный исследовательский государственный университет)

СУБСТАНТИВАЦИЯ НАРЕЧИЙ – УЗУАЛЬНАЯ ИЛИ ОККАЗИОНАЛЬНАЯ?

В рамках структурно-семантического подхода (в частности – теории синхронной переходности) субстантивация понимается как результат взаимодействия частей речи.

На основании этого подхода нами представлена типология субстантивации в современном русском языке, основанная на противопоставлении узуальной и окказиональной субстантивации как системно-языковой и речевой (стихийной, креативной). Это позволяет

рассматривать классические примеры типа *Смелый к победе стремится* и *Далече грянуло ура* не как явления одного порядка. В основе противопоставления узуальной и окказиональной субстантивации – соотнесенность с действительностью объективной или некой виртуальной: метатекстом, художественным мировосприятием автора и т.п.

Узуальными субстантиватами являются слова адъективного типа: прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные, порядковые числительные.

Исходной базой окказиональной субстантивации могут быть слова любых частей речи и синтаксические единицы.

На втором уровне деления представлены типы узуальной и окказиональной субстантивации. По степени увеличения субстантивных и (соответственно) уменьшения адъективных свойств выделяем пять типов узуальной субстантивации: контекстуальную, ситуативную, срединную, глубокую, квазисубстантивацию. Заметим, что это именно разные типы узуальной субстантивации, а не звенья одного процесса.

Предлагаем различать три типа окказиональной субстантивации: метатекстовую, индивидуально-авторскую, номинации. Все эти типы так или иначе связаны с воспроизведением чужого слова, однако среди способов передачи чужой речи окказиональная субстантивация обычно не упоминается. Подчеркнем, что метасубстантивация является способом выражения чужой речи и средством реализации определенной коммуникативной стратегии говорящего (см. подробнее [1]; [2]).

Между явлениями узуальной и окказиональной субстантивации нет жестких границ. Субстантивация наречий преимущественно окказиональная, однако можно говорить об узуализации субстантивированных наречий времени и места и квалифицировать их как неизменяемые существительные среднего рода. Рассмотрим это явление.

Общая черта узуальных субстантиватов – изменяемость. Окказиональные субстантиваты часто неизменяемы. Именно неизменяемость не позволяет говорить об узуальной субстантивации наречий, хотя они нередко употребляются в функции существительных.

Субстантивации подвергаются наречия со значением вчерашнего, сегодняшнего, завтрашнего дней. Они становятся обозначением временного отрезка, его вторичной номинацией, «вбирая в себя» значение словосочетания. Ср.:

За сегодняшним днем стоит неподвижно завтра, / как сказуемое за подлежащим (И. Бродский).

Это явление отмечено в словарях [3]; [4], причем для существительных *сегодня* [3; 706] и *завтра* [3; 203] наряду с прямым значением указано переносное – значение настоящего и будущего. Переносное значение при обозначении прошлого может возникать и у существительного *вчера*:

Завтра будет лучше, чем вчера (Н. Добронравов).

Субстантивное употребление наречий времени для обозначения прошлого, настоящего и будущего широко распространено:

Их загрызет тоска, если завтра не будет похоже на сегодня, а послезавтра на завтра (А. Гончаров).

Языковые средства раскрывают авторскую «философию времени» в процессе осмысления бытия:

*Сегодня, превращаясь во вчера,
себя не утруждает переменной
пера, бумаги, жижицы пельменной,
изделия хромого бочара
из Гамбурга*

(И. Бродский).

Отметим название-оксюморон:

«Вчерашнее завтра» (М. Каганская, З. Бар-Селла, И. Гомель).

Омонимичные наречие и существительное легко «уживаются» рядом:

Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня (посл.)

Ср. также «обычное» (*вчера*) и субстантивное (*завтра*) употребление наречий времени, отражающее возникновение нового дня (новой сущности) и сложное взаимодействие «соседствующих» конкретного (*сегодня*) и абстрактного («*никогда*»):

Вчера наступило завтра, в три часа пополудни. / Сегодня уже «никогда», будущее вообще (И. Бродский).

Субстантивированные наречия воспринимаются как несклоняемые существительные среднего рода (формы родительного и дательного падежей *завтраго* и *завтрому* (пишется *завтрего* и *завтрему*) просторечные [4; 907]). Чаще они употребляются в именительном падеже – в функции подлежащего или сказуемого, выражая значение логических субъекта или предиката:

И я понимаю – почему «сегодня» не порождает поэтов, почему нет настоящих пьес, почему оскудела проза (Т. Доронина); *Философия государства, его этика, не говоря уже о его эстетике – всегда «вчера»; язык, литература – всегда «сегодня» и часто – особенно в случае ортодоксальности той или иной системы даже и «завтра»* (И. Бродский).

В косвенных падежах субстантиваты употребляются в функции дополнения:

*Я не о любви, я о лимоне. Я о манерах, о похмелье, об улыбке сегодня насчёт безнадежно далёкого **вчера**, которое почему-то всегда оказывается ближе и понятней, не то что календарного **вчера** (чур меня! чур!), но даже вполне, вроде бы, надёжного **сегодня**, а может, и **завтра**, а может, и **всегда*** (И. Картушин).

Образование аналитических форм косвенных падежей и сочетаемость с предлогами ограничены: форма винительного падежа образуется с предлогом *до*, форма родительного падежа – с предлогом *на* (форма дательного падежа – с предлогом *к*: *к завтра / к завтрему* [4; 907]).

Образование других форм окказионально:

Напишите о «сегодня». Трудно. Трудно писать (Т. Доронина).

Отметим, что регулярное воспроизведение в речи субстантивированного предложно-падежного сочетания *До завтра!* подвергается интеръективации и органично вписывается в ряд этикетных выражений субстантивного происхождения, построенных по общей модели:

До свидания! До встречи! До скорой встречи!

Ср. также: *До новых встреч! До скорого! До вечера!*

В одноименной песне реализованы субстантивное (в припеве) и междометное (в куплете) употребление этой формы:

До завтра! Прощальных слов не говори.

До завтра! Устало светят фонари...

<...>

Припев:

Ночной городок, пройду по округе,

Рассвет не далек, недолго скучать в разлуке,

До завтра

(А. Шаганов).

Субстантивация других наречий времени воспринимается как окказиональная. См. «Вальс при свечах» А. Вознесенского:

*Любите при свечах,
танцуйте до гудка,
живите – **при сейчас**,
любите – **при когда?***

*Ребята – при часах,
девчата при серьгах,
живите – при сейчас,
любите – при Всегда,*

*прически – на плечах,
щека у свитерка,
начните – при сейчас,
очнитесь – при всегда.*

Маркером субстантивации оказывается сочетание «бывших» наречий с предлогом: *А между прочим, на СЕЙЧАС надо смотреть из ПОТОМ* (В. Токарева).

Могут субстантивироваться и некоторые наречия места:

Я к вам приду в коммунистическое далеко... (В. Маяковский); *Зимний вечер с вином в нигде* (И. Бродский); *«Дорога в куда»* (А. Ре).

Отметим употребление наречия места по аналогии с предложно-падежным сочетанием в обстоятельственной функции (*из* + имя собственное в форме родительного падежа), навеянное, возможно, прецедентным текстом (*Из России с любовью*):

Ниоткуда с любовью, надцатого мартабря (И. Бродский).

Ср также: *«Человек ниоткуда»* (название к/ф) – *Человек из «ниоткуда»* (газетный заголовок).

Субстантивация наречий может быть рассмотрена как связующая область между узуальной и окказиональной субстантивацией. Вероятно, на основании частотности употребления можно говорить (с определенной осторожностью) о движении к узусу субстантивированных наречий со значением времени и места, которые, позволяя представить время и место как предмет, сохраняют связь с объективной действительностью. Однако их субстантивация синтаксически обусловлена: связана с определенными падежными формами. Субстантивация наречий других семантических разрядов преимущественно окказиональная. Представляется перспективным сопоставление субстантивации наречий в других языках.

Литература

1. Высоцкая, И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка / И.В.Высоцкая. – М.: МПГУ, 2006. – 304 с.
2. Высоцкая, И.В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности И.В.Высоцкая. – Новосибирск: НГПУ, 2009. – 192 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русск. яз, 1990. – 921 с.
4. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4-х т. – М.: ОГИЗ, 1935-1940. – 1500 с.

Ф.Х. Гильфанова, Р.Т. Гильфанов (Тюменский государственный университет)

ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Наука о сопоставлении языков возникла в глубокой древности, когда люди столкнулись с потребностью объясняться с носителями других языков, других культур. Первыми исследователями, занимавшимися сопоставлением языков, были составители двуязычных переводных словарей, которые, исходя из своих практических знаний, словам иностранного языка подбирали соответствия в своем родном языке. В то время не было никаких методов сопоставления языков, тем более не существовало и самого понятия «метод сопоставления языков». В связи с расширением лингвистического кругозора путешественников, знакомст-